

Дирижер отмахнулся от оркестра

Жан-Клод Казадезюс выступил в Москве

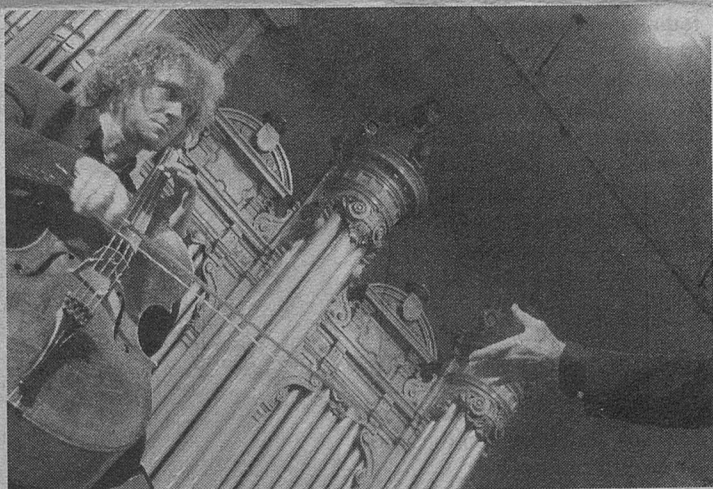
КОММЕРСАНТ. - 2004. - 30 ОКТЯБРЯ. - С. 9

концерт классика

В Большом зале консерватории состоялся концерт памяти Евгения Светланова, организованный Московской филармонией совместно с вдовой дирижера и Фондом Евгения Светланова. За пультом стоял именитый французский дирижер **Жан-Клод Казадезюс**. **ВАРВАРА ТУРОВА** была искренне удивлена его трактовкой известной симфонии Густава Малера «Титан».

Как ни странно, но именно этот концерт, казалось бы самый законный, официальный, стал в череде мероприятий, посвященных Евгению Федоровичу, самым безаншлаговым. Публика еле-еле растянулась на ползала, что было особенно удивительно, учитывая звездный статус виолончелиста Александра Князева. В начале концерта вместе с Большим симфоническим оркестром и французским дирижером Жан-Клодом Казадезюсом господин Князев исполнил «Анданте» для виолончели с оркестром Евгения Светланова, в очередной раз подтвердив блестящее владение сферой чувства, эмоции и интуиции. Это, наверное, ни для кого не секрет — его страстность, способность отдаваться процессу музицирования с какой-то просто-таки неистовой силой, его жар и искренность. Недаром в области отечественного исполнительского искусства Александра Князева часто противопоставляют другому виолончелисту — Александру Рудину, воплощению рации, выверенности и стабильности.

В связи со всеми этим было особенно интересно, как виолончелист сыграет концерт Шостаковича — музыку далеко не самую романтическую. Но с первых минут звучания Александр Князев, не изменяя своим лучшим качествам, представил публике захватывающую историю борьбы, преодоления, крайностей и красоты. Думалось, чем не романтика? И действительно, в его версии жесткая, издевательская, ироничная (и откровенно трагическая местами) музыка концерта стала очень личной. Ни одной ноты музыкант не сыграл просто так, без смысла, без четкого понимания, что и зачем он играет. Оторваться было невозможно — каждый сле-

Александр Князев не отдал пальму первенства в руки иностранному дирижеру-гастролеру Жан-Клоду Казадезюсу ФОТО СЕРГЕЯ МИХЕЕВА

дующий такт, казалось, превосходил предыдущий по всем возможным критериям. Чем дальше, тем интереснее, тоньше, ярче и мощнее звучала виолончель. Тем обиднее был вялый, индифферентный, несобранный аккомпанемент оркестра под управлением именитого француза. Жан-Клод Казадезюс известен как ударник, композитор музыки для театра и кино и основатель Национального оркестра Лилля. Именно с этим оркестром он ездит по всему миру, записывает диски (в том числе и симфонии Малера). Перечень его заслуг впечатляет: дирижер работает с ведущими филармониями мира — парижской, дрезденской, филармонией Осло. Он дирижировал Лондонским королевским филармоническим и Лейпцигским Гевандхауз-оркестром. Но с Большим симфоническим оркестром имени Чайковского господин Казадезюс отчаянно не справлялся весь концерт. Порой возникало ощущение, что у него даже нет такой задачи. В концерте Шостаковича после душераздирающих соло, после всех страстей и ужасов виолончельной партии дирижер показывал оркестру такие спокойные темпы, такую сдержанную динамику и такой ровный приятный эмоциональный фон, что оставалось только диву даваться, как это его, кажется единственного в зале, совсем не захватила игра Александра Князева.

Еще откровеннее все эти качества дирижера проявились во втором отделении. Первая симфония Густава Малера на-

зывается «Титан», и с первых классов детских музыкальных школ в голову вбиты вполне определенные эмоции: будет громко, значительно, лирический герой будет сражаться за добро и до последней ноты никто не будет знать, победит ли он. Так вот, в версии господина Казадезюса победа героя была не только очевидной, но и неизбежной. Больше того, у этого пресловутого героя, про которого одну из самых популярных симфоний дирижируют сотни дирижеров по всему миру, который должен умирать и рождаться, погибать и побеждать, который должен ведь метаться в сентиментальных порывах и получать всепоглощающее счастье в награду, в данном случае и проблем никаких не было. А было спокойное, ровное дыхание, нормальная температура, четкий график подвигов и смета расходов душевных сил.

Первые три части симфонии были сыграны оркестром, казалось, в одном темпе и диапазоне от mezzo piano до mezzo forte, что никак не могло добавить жизни в эту странную, чрезвычайно светскую, салонную и откровенно скучную трактовку симфонии. Тем удивительнее были грохочущие медь и ударные в финале, сыгранные вдруг во вполне романтической традиции. Ощущение было такое, как будто в конце очень скучного праздника, на котором и поговорить-то было не с кем, вдруг устраивается роскошный фейерверк, на который хозяева потратили кучу денег, но радости от которого никакой.